

ПАМЯТИ О. АРХИМАНДРИТА

ІАКОВА,

БЫВШАГО НАСТОЯТЕЛЯ

Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

(НЕКРОЛОГЪ)

Взято изъ Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей
№№ 5, 6, и 19 1896 года.

К III 1283500

Г. КИРИЛОВЪ

Типографія Малькова

1906

Памяти о. архимандрита Іакова,

бывшаго настоятеля Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

16-го января 1896 года, на 79 году, скончался архимандритъ Іаковъ, настоятель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Почившій былъ однимъ изъ лучшихъ представителей монашествующихъ, былъ глубоко уважаемъ всѣми, кто имѣлъ съ нимъ какія либо дѣла.

О. архимандритъ Іаковъ, въ мѣрѣ Василій Поспѣловъ, былъ сынъ священника Тульской епархіи села Коднаго Ивана Михайлова,—родился въ 1818 году. Среднее богословское образованіе получилъ въ тульской духовной семинаріи (1834—1838 г.), а высшее въ московской духовной академіи (1838—1842 г.). На послѣднемъ курсѣ 6 апрѣля онъ принялъ монашество, 12 апрѣля посвященъ въ іеродіакона и 29 юня того же года во іеромонаха.

Почившій былъ ученикомъ старой до реформенной школы. Бѣдно и просто жили тогда ученики духовныхъ училищъ, пріучаясь еще съ дѣтскихъ лѣтъ къ невзыскательности и малотребовательности. Содержаніе учениковъ было также болѣе, чѣмъ скромно

и не затѣйливо: ежедневно предлагались имъ въ пищу обычныя блюда: щи и каша въ праздники прибавлялись пироги. Одежду носили воспитанники простую и по большей части домотканную, подобно многимъ другимъ и о. Іаковъ какъ сынъ небогатыхъ родителей, вмѣстѣ съ тремя своими братьями не разъ съ каникулъ и на каникулы хаживалъ пѣшкомъ не только въ семинаріи, но и въ академіи. Тяжело было въ то время и ученіе. Уроки учились не по книжкамъ, какъ теперь, а по запискамъ и прежде чѣмъ учить урокъ, нужно было его написать. Покойный, вспоминая объ этомъ всегда радовался, что теперь существуетъ много печатныхъ руководствъ и пособій, облегчающихъ трудъ учениковъ. А въ наше время сколько тратилось труда на одно только переписываніе записокъ, говаривалъ онъ. Немало радовался почившій и тому, что теперь вывелся обычай наказанія розгами, процвѣтавшій въ его время. Въ академію о. Іаковъ поступилъ при митрополитѣ Филаретѣ и былъ его пострижникомъ. Любилъ почившій рассказывать о посѣщеніяхъ митрополитомъ лавры и академіи и книга: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета“, — была его любимой справочной книгой. Учителями о. Іакова въ дух. академіи были: архимандритъ Филаретъ (Гумилевскій), іеромонахъ Филофей (Успенскій), іеромонахъ Платонъ (Фивейскій), іеромонахъ Агафангелъ (Соловьевъ), А. В. Горскій, протоіерей Ѡ. Голубинскій. Съ нѣкоторыми изъ нихъ въ послѣдствіи онъ былъ знакомъ и велъ переписку. Товарищемъ его по курсу былъ протоіерей В. П. Полисадовъ.

Свое служеніе о. Іаковъ началъ въ орловской духовной семинаріи, куда 21 сентября 1842 г. былъ назначенъ преподавателемъ по церковно-библейской исторіи, съ октября 1843 г. на него была возложена еще обязанность раздѣлять труды съ преподавателемъ

богословія въ чтеніи ученическихъ задачъ. Въ 1845 году онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ харьковской дух. семинаріи и учителемъ богословскихъ наукъ. Здѣсь онъ усердно занимался преподаваніемъ и проповѣданіемъ слова Божія,—онъ старался внѣдрять въ сердца и умы юношей убѣжденіе, что „самое лучшее познаніе и убѣжденіе въ вѣрѣ Христовой есть испытаніе ея въ жизни, чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ“ (изъ слова, сказаннаго въ Харьковѣ). Будучи инспекторомъ, о. Іаковъ неоднократно временно исправлялъ и должность ректора семинаріи. 30 іюля 1849 г. онъ возведенъ въ санъ архимандрита и 26 іюля 1850 г. назначенъ благочиннымъ мѣстныхъ монастырей, въ каковой должности и состоялъ по 26 іюня 1852 года.

За труды по учебно-воспитательной дѣятельности о. Іаковъ награжденъ набедренникомъ (1843 г. дек. 17), палицей (1846 г. янв. 6), наперснымъ золотымъ крестомъ (1847 г. мая 22) и 200 руб. 20 коп. отъ Св. Синода. За ревностное проповѣдываніе слова Божія ему была объявлена признательность Инокентія, архіепископа херсонскаго.

Въ 1852 году о. Іаковъ, какъ человекъ „строгой монашеской жизни, очень исправный и благонадежный“ (отмѣтка Филарета архіепископа харьковскаго въ формулярѣ - почившаго) назначается въ Римъ, (5 дек.) настоятелемъ посольской церкви. „Здѣсь ему ввѣряется хранить отъ посягательства папскихъ слугъ православную вѣру русскихъ, судьбой заброшенныхъ на чужбину. И живя среди иновѣрцевъ онъ, изъ младенчества твердый въ обычаяхъ своей вѣры, ничѣмъ, даже малымъ, не хотѣлъ поступиться изъ предписаній церкви, самъ соблюдая и требуя отъ другихъ точнаго выполненія всегб, что предписываетъ намъ наше благочестіе“. Изъ Рима о. Іаковъ ѣздилъ

(въ 1855 г.) въ Баръ-градъ для поклоненія мощамъ св. Николая, мирликійскаго чудотворца. Плодомъ этаго путешествія и пребыванія о. Іакова въ Римѣ остались его сочиненія подъ заглавіемъ: „путешествіе въ Баръ-градъ“ и „краткія замѣтки о римской церкви“. Въ посольствѣ о. Іаковъ служилъ около трехъ лѣтъ (съ 5 дек. 1852 г. по іюнь 1855 г.). Въ 1855 г. онъ по прошенію уволенъ отъ должности настоятеля посольской церкви. По прїѣздѣ въ отечество нѣкоторое время онъ жилъ въ московскомъ Ново-Спасскомъ ставропигіальномъ монастырѣ, откуда митрополитомъ Никаноромъ назначенъ (1855 г. 15 дек.) настоятелемъ въ Зеленецкій монастырь с.-петербургской епархіи съ условіемъ заниматься учеными трудами, въ каковой должности и состоялъ до 1857 г.

За это время онъ получилъ: орденъ св. Анны 2-й степени (1855 г. 20 авг.), — Высочайшую благодарность за пожертвованіе въ пользу морскихъ чиновъ, потерявшихъ имущество въ Севастополѣ [1856 г. 5 дек.] крестъ въ память войны 1853—56 г.г.

Съ 1857 г. дѣятельность о. Іакова переносится на сѣверъ новгородской губерніи, — въ мѣста, прославленные горами и подвигами преп. Кирилла Бѣлозерскаго и его учениковъ и собесѣдниковъ, — сначала въ Новозерскій монастырь, бѣлозерскаго уѣзда, а потомъ [1866 г. янв. 10 д.] въ Кирилло-Бѣлозерскій. Здѣсь не мало было о. архимандриту трудовъ по упорядоченію монастырской жизни. Строгій уставъ и завѣты преп. Кирилла отъ времени и немощей человѣческихъ поразшатались; нужно было ихъ возстановить и укрѣпить. Горячо принялся за это дѣло почившій о. архимандритъ. Будучи самъ строгой иноческой жизни, онъ и отъ подчиненныхъ требовалъ неуклоннаго соблюденія правилъ монастырскаго устава. Главнѣйшій предметъ его заботъ служило

водвореніе среди братіи духа смиренія, послушанія, миролюбія и благочинія. Особенно не терпѣлъ почившій пьянства. Самъ никогда не употреблявшій вина, онъ и по отношенію къ другимъ настаивалъ на томъ же и, согласно прямому требованію устава препод. Кирилла, не только запрещалъ братіи пить его во время „разрѣшенія вина и елея“, но даже и вносить вино въ монастырь, — ради угощенія имъ мірянъ, приходившихъ посѣтить монаховъ. Самъ почившій велъ жизнь уединенную, — не любилъ дѣлать визитовъ, — это же совѣтовалъ и братіи: „не вернется монахъ въ келью такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ нея“, — говорилъ онъ въ нравоученіе при этомъ. Самъ нестяжательный, такую же нестяжательность желалъ видѣть и со стороны другихъ. Для поддержанія и развитія духа древняго подвижничества онъ старался распространить въ обители знаніе отеческой литературы; съ этою цѣлью въ монастырь имъ была устроена бібліотека. Что-бы лучше слѣдить за духовнымъ направленіемъ обители, почишій велъ дневникъ, въ котовый вписывалъ всѣ уклоненія братіи отъ монастырскаго устава и нерѣдко по ночамъ ходилъ по кельямъ монаховъ, какъ это дѣлали древніе игумены. Строго и зорко слѣдя за духовной жизнью инокъ, онъ старался примѣромъ своей жизни, совѣтами, угсворами и наказаніями пресѣкать уклоненія отъ монастырскаго устава. И если это не помогало, онъ, по слову Божію „измите злого отъ васъ самѣхъ“, неисправимыхъ въ нарушеніи монашескихъ обѣтовъ, рѣшался удалять изъ монастыря. Его стараніями въ монастырь введенъ строгій порядокъ и чинное отправленіе церковныхъ службъ; имъ же введено въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырь пѣніе знаменнымъ распѣвомъ, или такъ называемое столповое. Въ данномъ случаѣ о. архимандритъ Іаковъ явился продолжателемъ дѣятельности архим.

Кирилло-Новозерскаго Теофана (Соколова), чрезъ котораго извѣстный ревнитель иноческой жизни мит. Гавріиль возобновилъ въ бѣлозерскомъ краѣ иночество по общежительному уставу древнихъ великорусскихъ монастырей, ведущихъ свое начало отъ преп. Сергія и Кирилла.

За время служенія въ новгородской епархіи почившій получилъ слѣдующіе знаки вниманія къ нему высшаго начальства. Благодарность Вел. Княжны Маріи Александровны за поднесеніе сочиненій „краткія замѣтки о римской церкви“, „путешествіе въ Баръ-градъ (1859 г. 29 нояб.) и службы на обрѣтеніе мощей препод. Кирилла Новозерскаго (1862 г. февр. 10).; медаль (1860 г. апр. 14), орденъ св. Анны 2-й степени (1866 г. марта 10), орденъ Владиміра 3-й степени (1872 г. апр. 16), знакъ краснаго креста [1879 г. марта 13], золотой наперсный крестъ съ драгоценными украшеніями [1882 г. апр. 17.]. Въ 1882 году былъ вызванъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія въ С.-Петербургъ и назначенъ временнымъ членомъ с. - петербургской духовной консисторіи. Не разъ за это время онъ получалъ благословенія, какъ своего епархіальнаго начальства, такъ и Св. Синода. 1-го октября 1892 г. о. Іакова „во уваженіе его пятидесятилѣтняго ревностнаго служенія церкви и духовному просвѣщенію, совершаемаго въ духѣ древняго православія и строгаго подвижничества [см. жур. Богос. Вѣстникъ, 1893 г. отд. V, 300 стр.]“ былъ избранъ почетнымъ членомъ московской духовной академіи. Выдающимися чертами въ характерѣ о. Іакова, кромѣ его благочестія, смиренія, строгаго монашеской жизни и чисто аскетическихъ убежденій, были его незыскательность въ удобствахъ своей личной жизни, любовь къ бѣднымъ и, какъ внѣшнее выраженіе ея, благотворительность.

Удобства и роскошь были чужды привычкамъ покойнаго, котораго вынесъ онъ изъ дѣтства и трудной поры воспитанія утвердилъ своими аскетическими взглядами. Обстановка его помѣщенія была самая простая. Въ кельѣ его кромѣ книгъ и самыхъ необходимыхъ вещей ничего не было. Одежду почившій носилъ самую скромную и чуждался имѣть лишнее платье про запасъ. Послѣ него остались только одинъ клобукъ, два подрясника, двѣ рясы и шуба. Лишніе подрясникъ и ряса оказались потому, что подарены преосв. Тихономъ, еп. можайскимъ, постриженникомъ покойнаго.

Всѣ свои средства о. Іаковъ употреблялъ на дѣла благотворительности, нерѣдко самъ лично нуждаясь въ самомъ необходимомъ. Всякій бѣднякъ могъ прибѣгнуть къ нему за помощію съ увѣренностію, что получить просимое. Покойный помогаль всѣмъ, чѣмъ только могъ. Раздавалъ деньги, вещи, одежду, обувь, книги духовно-нравственнаго содержанія. На его средства въ аптекѣ выдавались лѣкарства всѣмъ, не имѣющимъ средствъ на ихъ покупку,—на что издерживалось около 500 р. въ годъ. Онъ помогаль бѣднымъ роднымъ. На его средства въ разное время содержалось нѣсколько учениковъ кирилловскаго духовнаго училища. Не разъ на свой счетъ онъ отправлялъ учениковъ въ духовную семинарію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ о. Іаковъ спасъ многихъ отъ голода, какъ городскихъ мѣщанъ, такъ и жителей окрестныхъ деревень. Главный заработокъ кирилловскихъ мѣщанъ и крестьянъ ближайшихъ къ городу деревень доставляетъ судоходство по маріинской системѣ: что заработаютъ на судахъ лѣтомъ, тѣмъ кормится зимою.

Въ ту тяжелую годину было сильнѣе маловодье на системѣ; судохозяева терпѣли одни убытки, а рабочіе остались безъ заработка; зимою надъ многими изъ нихъ

тяготѣль грозный призракъ голода, разрушительныя дѣйствія котораго были однако предотвращены щедрою рукою о. Іакова. Онъ не оставлялъ безъ помощи никого изъ просителей: кто получалъ коровой хлѣба, кто возъ дровъ, инымъ оказывалась помощь деньгами.

Приходить. однажды, къ старцу странникъ съ просьбою о помощи: „Погоди поищу“ сказалъ о. Іаковъ и нашелъ въ своей кельѣ всего одну копѣйку. Доходило дѣло до того, что не на что было самому купить чаю; въ такихъ случаяхъ о. архимандритъ занималъ чай у своего келейника

Когда тѣло старца было выставлено въ церкви, вниманіе многихъ обращала на себя старушка, навзрыдъ плакавшая у гроба почившаго. Старушка эта прибрела болѣе чѣмъ за 100 верствъ изъ Бѣлозерскаго уѣзда, чтобы поклониться праху своего благодѣтеля. Когда то оставшись вдовою съ малыми дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ жизни, явилась она къ отцу Іакову, рассказала ему о бѣдственномъ положеніи; старецъ далъ ей 50 руб. Вдовица устроила себѣ хатку, подняла на ноги дѣтей и прожила до глубокой старости.

Суровый аскетизмъ о. Іакова невольно воскрешаетъ образы древнихъ пустынножителей. 30 лѣтъ онъ управлялъ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ, и за все это время выѣзжалъ изъ монастыря только по два раза въ годъ для обозрѣнія монастырей, подчиненныхъ ему, какъ благочинному; въ остальное время онъ никуда не выходилъ изъ монастыря и своихъ келій, кромѣ церкви. Въ первые дни первой и страстной недѣль великаго поста ворота монастыря закрывались для прекращенія доступа мірянъ: неблагоприятно смотрѣлъ о. Іаковъ на посѣщенія монастыря женщинами. Въ первую и вторую недѣли великаго поста онъ питался одной просфорой въ день.

амытникъ о. Архимандриту Іакову, поставленный на могилѣ
почитателями его (см. стр. 20 и 21.)

Онъ состоялъ почетнымъ членомъ братства св. Софіи и членомъ общества краснаго креста. 7 декаб. 1880 года былъ избранъ почетнымъ попечителемъ кирилловскаго духовнаго училища. Издерживая всѣ свои личныя средства на дѣла благотворительности о. Іаковъ, слѣдуя завѣту преп. Кирилла, не жалѣлъ на это дѣло и средствъ монастырскихъ. Благодаря ему въ монастырѣ установился обычай отдѣлять изъ братскихъ суммъ 30—40 руб. въ мѣсяць для раздачи нищимъ и кормить ихъ. Имъ же изъ монастырскихъ средствъ на постройку новаго зданія общезжитія для учениковъ кирилловскаго дух. училища пожертвовано 6000 руб. Первая и крупная жертва по подписнымъ листамъ была — всегда также о. Іакова.

Благотворительность почившаго о. архимандрита не ограничивалась матеріальною помощію; онъ старался по мѣрѣ возможности удовлетворять и духовнымъ нуждамъ ближнихъ. О народномъ образованіи о. Іаковъ былъ того мнѣнія, что на духовенство долгомъ его званія возложена обязанность учительства къ просвѣщенію народа въ истинахъ православной вѣры и въ правилахъ благочестія. Въ предисловіи къ сочиненію „пастырь по отношенію къ себѣ и паствѣ“ онъ говорилъ: поднятіе нравственнаго и умственнаго уровня народа вотъ та громадная задача, въ рѣшеніи которой наше духовенство по званію своему должно принять самое дѣятельное участіе. Въ осуществленіе этого мнѣнія, по примѣру препод. Кирилла, при жизни коего былъ дьякъ монастырскій Алеша Павловъ, „котораго“ дѣло бѣше книги писати и ученики учити грамотныя хитрости (изъ житія преп. Мартиніана). онъ рѣшилъ устроить церковно-приходскую школу. Но не рѣшаясь дать мѣсто школь внутри монастыря по своимъ чисто аскетическимъ убѣжденіямъ, онъ озаботился приспособить для нея женскую гостиную, находящуюся въ монастырской

стѣнѣhalbъ отъ входа въ монастырь. 12 января 1893 г. школа была торжественно освящена и открыта. Благословляя дѣтей иконой препод. Кирилла, о. Іаковъ говорилъ имъ: „вѣру имѣйте, какую имѣлъ преподобный“. Таковъ былъ завѣтъ его школы. Открывъ школу, о. архимандритъ не забылъ о ней. Все время школа снабжалась на его средства учебниками и письменными принадлежностями. Мало этого. Узнавъ, что большинство учениковъ, поступившихъ въ его школу, полубосые, оборванные и полуголодные бѣдняки, онъ вначалѣ распорядился, чтобы ученикамъ приносили изъ монастыря хлѣбъ на завтракъ во время большой перемѣны, а потомъ устроилъ для нихъ бесплатную столовую. Столовая была устроена въ городѣ, куда ученики послѣ уроковъ и ходили обѣдать. Провизія для столовой покупалась на личныя средства о. Іакова, на каковой предметъ онъ издерживалъ до 300 руб. Въ праздники кромѣ обѣдовъ раздавались ученикамъ булки. Для бѣдныхъ учениковъ покупались сапоги, валенки и шилась одежда.

Предъ своею смертію онъ трижды соборовался; третій и послѣдній разъ онъ соборовался 9 января. Въ послѣднее время о. Іаковъ приобщался св. таинъ дважды въ недѣлю. Послѣдній разъ приобщался онъ въ воскресенье 14 января. Было назначено у него еще приобщиться св. таинъ въ среду (17 января), но смерть предварила исполненіе этого намѣренія. Наканунѣ смерти старецъ былъ довольно веселъ и даже, — по рассказамъ обоихъ келейниковъ, радостенъ; но были минуты, когда имъ овладѣвало какъ-бы нѣкоторое безпокойство. Въ этотъ же день онъ показывая формуляръ келейнику своему о. Игнатію, говорилъ: „тутъ нужно написать, что у меня все покончено“ и просилъ его чтобы непременно было записано то, что онъ требуетъ, что это необходимо;

говорилъ и далѣе, что у него покончены не только свои дѣла, но и въ консисторіи и въ Св. Синодѣ. О. Игнатій не могъ его убѣдить, что формуляръ къ новому году былъ вполне законченъ и что писать въ него болѣе нечего; однако же и не исполнилъ его просьбы, считая батюшку находящимся не въ нормальномъ положеніи, на что онъ не разсердился, а только подтвердилъ: „не теперь, такъ послѣ скоро придется записать“. За день до смерти батюшка бесѣдовалъ съ обоими келейниками, давалъ наставленія, жалѣлъ ихъ О. Игнатій спросилъ его; „Что намъ будетъ, когда вы помрете?“ Старецъ отвѣчалъ: „я надѣюсь, что старшая братія васъ не обидитъ, а въ остальномъ; да и во всемъ-то воля Господня; нужно надѣяться на Него“. При разговорѣ старецъ задумался и, закрывъ глаза, тяжело вздохнулъ два раза. Келейники думали, что старецъ кончается, но онъ, открывъ глаза, проговорилъ: „вотъ самые вѣрные признаки, что я проживу два только дня, а то и меньше“.

Старецъ въ послѣднее время вкушалъ самое ничтожное количество пищи за обѣдомъ, а вечеромъ ничего не вкушалъ; да и отъ обѣда келейникъ часто уносилъ хлѣбъ въ такомъ же видѣ, какъ и приносилъ. Въ послѣдніе четыре дня старецъ употреблялъ только антидоръ и теплоту, приносимые ему отъ ранней обѣдни, — и по двѣ чашки чаю утромъ и вечеромъ. Въ день смерти принялъ антидоръ и теплоту и, должно быть, еще чашку чаю, потому что на днѣ оной келейникъ замѣтилъ чайный осадокъ. Скончался въ 10 часовъ утра, сидя въ креслѣ; не покачнувшись и какъ-бы задумавшись. Во все время и особенно въ послѣднее батюшка часто говорилъ келейнику: „тяжело переносить искушенія духа злобы“. Старшій келейникъ 14 января предлагалъ старцу переменить бѣлье, на что онъ не согласился, на

другой день самъ просилъ младшаго келейника подать бѣлье. Переимѣнивши бѣлье, онъ замѣтилъ, что въ немъ и помретъ и добавилъ: „хорошо бы еще сходить въ баню, да и помереть чистому“; — тогда какъ въ банѣ уже не бывалъ три гда, а когда и раньше ходилъ, то не болѣе, какъ разъ или два въ годъ. Наканунѣ дня кончины былъ у него утромъ, о. казначей для подписанія бумагъ; батюшка сказалъ ему: „я скоро помру!“ „Нѣтъ, сказалъ казначей, — вы за это время замѣтно стали веселѣе и свѣжее“, на что старецъ улыбнулся, не отвѣтивъ ни слова. Передъ самой смертію онъ говорилъ старшему келейнику, что у него по смерти ничего не останется, кромѣ книгъ, которыя жертвуетъ зъ казну, и необходимой одежды, изъ которой подарилъ на память ему теплую рясу и камилавку, а остальное, добавилъ онъ, „останется на ваше распоряженіе“.

Горицкая игуменія съ сестрой пріѣзжали въ четвергъ (11 января) съ отчетами. Старецъ, подписавъ бумаги, сталъ у стола противъ игуменіи и, скрестивъ на груди руки, кланаясь просилъ прощенія, говоря, что послѣдній разъ прощается съ ней. „Простите, говорилъ онъ, Бога ради, и помолитесь о мнѣ грѣшномъ; я отхожу отъ васъ въ жизнь вѣчную“. Игуменя въ воскресенье 14 января еще разъ пріѣзжала, получить отъ него благословеніе, на что, по докладѣ — онъ сказалъ келейнику, что уже простился съ ней; однако допустилъ получить благословеніе. Старецъ глубоко вѣрилъ въ Промыслъ Божій; и Господь видимо не оставлялъ его. При-благотворительномъ образѣ жизни и при полной своей нестяжательности, онъ часто не имѣлъ ни чего въ то время, когда требовались какіе-либо неотложные расходы. И вотъ въ это то время Господь и не оставлялъ его. Однажды, на примѣръ доотавлены были изъ печати акаѣисты преп. Кириллу, для уплаты за

которые требовалась сумма въ 100 руб. Не имѣя таковой суммы, онъ призвалъ келейника, чтобы по-совѣтоваться, гдѣ взять денегъ, и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ безпокоить старшую братію, потому что акзеисты заказаны были печатать имъ лично для раздачи богомольцамъ. Не успѣлъ выйти отъ него келейникъ, какъ ему на встрѣчу попадаетъ благодѣтель и жертвуетъ батюшкѣ 100 руб. Въ другомъ время требовалось 200 руб. но и тутъ Промыслъ Божій не оставилъ его; приходитъ онъ отъ утрени въ придѣлъ преп. Кирилла къ ранней обѣднѣ и едва успѣлъ приложиться къ ракъ угодника, какъ подходитъ старушка и вручаетъ ему деньги. Нѣтъ сомненія, что старецъ былъ глубоко проникателенъ и даже прозорливъ. Однажды приходитъ къ нему келейникъ и старецъ предложилъ ему нѣсколько душеполезныхъ наставленій. Но окончивши ихъ и посмотрѣвъ на келейника, онъ сказалъ, указывая на его голову: „ты кажется, ничего не забралъ сюда изъ сказаннаго?“ Тотъ, дѣйствительно ни чего не понялъ изъ его словъ и хотѣлъ переспросить его о наставленіяхъ, но старецъ предупредилъ его и вновь съ глубокимъ благоговеніемъ и вмѣстѣ съ твердостью въ тонѣ повторилъ свои наставленія, которыя на этотъ разъ и были усвоены келейникомъ. Въ другой разъ вышло разногласіе между старшей братіей, въ которое между прочимъ замѣшанъ былъ и его старшій келейникъ старецъ. И вотъ когда келейникъ подавалъ ему чай, то сей послѣдній, посмотрѣвъ на него, уразумѣлъ его разстроенныя чувства и сталъ спрашивать о причинѣ скорби. Какъ ни пытался скрыть отъ него келейникъ дѣло, но все-таки пришлось высказать истину. Тогда старецъ тотчасъ же собралъ старшую братію, разрѣшилъ недоумѣніе и разногласіе и всѣхъ примирилъ. Одному купцу г. Кириллова, ведущему обширную торговлю водкой, ста-

рець совѣтоваль оставить гибельную для народа торговлю. Купецъ и особенно жена его отговаривались, что не они, такъ другіе будутъ торговать водкой, а, вѣдь, и имъ надо же чѣмъ нибудь заниматься. Старецъ говорилъ на это: „придетъ время,—сами пожелаете оставить торговлю... но будетъ поздно“. И что же вышло? Самъ купецъ скоро померъ, старшій сынъ его впалъ въ распутство, и торговля съ этого времени не только прекратилась, но и домъ этого купца со всѣмъ имуществомъ опечатали. Вотъ образецъ смиренія старца. Одного купца г. Кириллова въ послѣдніе дни своей жизни онъ со слезами просилъ, чтобы тотъ, какъ и прочіе граждане, простили его за то, что онъ въ теченіи послѣдняго года не служилъ ни одной обѣдни соборомъ. Не надо описывать, какъ тронуть былъ купецъ смиреніемъ старца. Богу одному вѣдомы, какія искушенія претерпѣвалъ старецъ отъ враговъ внутреннихъ. Но не мало приходилось ему переносить и обидъ въ своей жизни и отъ людей. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, о которомъ передано намъ со словъ очевидца. Въ первый годъ своего настоятельства въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ, гдѣ братія была не вполне довольна имъ за строгость вводимаго имъ въ монастырѣ устава,—онъ въ одинъ вечеръ обходилъ братскія келліи и вдругъ на него напалъ одинъ изъ іеромонаховъ и, потушивъ фонарь, началъ наносить ему сильныя побои палкою. Неизвѣстно, что пришлось бы перенести начальнику-старцу отъ этого грубаго и дерзкаго человѣка; но благодаря проходившему въ это время постороннему человѣку, ему удалось освободиться отъ гнуснаго оскорбителя. И вообще, большаго труда и многихъ обидъ и огорченій стоило ему дѣло, которому почившій старецъ преданъ былъ всею душею,—дѣло ввѣденія въ монастыряхъ строгой, истинно-подвижнической жизни, вполне

согласной съ духомъ устава монастырскаго. Въ первое время его настоятельства лишь немногіе достойные уваженія, и истинно смиренные духомъ старцы понимали и истинно чтили его. Отъ многихъ же ему приходилось выслушивать ропотъ и укоризны, а то и прямыя оскорбленія и поношенія.

О. Іаковъ за трое сутокъ предсказалъ свою смерть.

Вотъ какъ описываетъ это событіе очевидецъ бывшій послушникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Іеромонахъ Антоній:

22 января 1896 г.

Душевно былъ бы радъ я описать по подробнѣе всѣ печальныя событія, которыя мы, т. е. вся братія нашего монастыря пережили въ послѣдніе дни, со времени кончины до погребенія дорогого нашего батюшки архимандрита отца Іакова, т. е. съ 16 по 20 января, но чувствую, что рѣшительно не всостояніи. Сколько не пытаюсь я сосредоточить свои мысли, ничего не выходитъ. Все какъ то путается въ головѣ и мысли очень быстро смѣняются одна другую.

Волненіе охватываетъ все мое существо, и не позволяетъ спокойно обдумать что-либо. Кромѣ того, за это время мнѣ увеличено было послушаніе: какъ хлѣбопеку, мнѣ сдѣланъ наказъ приготовить т. е. напечь ко дню погребенія возможно большее количество хлѣба. Вся братія чрезвычайно была разстроена. Казначей хотя и велъ себя спокойнѣе всѣхъ, — но только повидимому. На самомъ же дѣлѣ и онъ былъ

крайне разстроены и дѣлалъ дѣло подобно малолѣтнему; онъ постоянно, или приходилъ ко мнѣ въ келью, или звалъ меня просто изъ за какихъ нибудь пустяковъ къ себѣ; и видимо, что ни какое дѣло у него не спорилось въ это время. Старшая братія была несма печальна и всѣ мы бродили, какъ овцы, лишившіяся своего пастыря. Собирались для совѣщанія, гдѣ приходилось: то въ келейной, то въ спальнѣ о. архимандрита, то на кухнѣ, или же престо у меня въ хлѣбной. Не успѣли придти къ какому-нибудь заключенію, какъ зазвонили протяжно къ панихидѣ въ Мотору, самый большой колоколъ. Всѣ поспѣшили къ покойному—или присутствовать, или служить панихиду. Иеромонахи между общими панихидами чередовались служить панихиды заказныя и литіи. Иеродіаконы поочереди читали постоянно, день и ночь св. Евангеліе при усопшемъ. Лѣво-клиросные пѣли частныя, т. е. заказныя панихиды и литіи, а пѣвчіе праваго клироса между богослуженіемъ и общими панихидами въ трапезѣ разучивали нотное зауспокойное пѣніе. Заказныя панихиды и литіи продолжались почти непрерывно всѣ дни. Но при всемъ этомъ чинъ и порядокъ въ монастырѣ былъ образцовый: не замѣтно было даже и тѣни той бесполезной суетливости, какая бываетъ обычно при подобныхъ случаяхъ. Объясняется это тѣмъ, что смерть дорогого нашего батюшки не застигла братію въ распахъ. Батюшка скончался не въ цвѣтущихъ лѣтахъ, а въ глубокой и маститой старости. Особенно былъ труденъ послѣдній годъ для батюшки. Былъ такой случай, что не только мы, но и докторъ думалъ что дни батюшки сочтены. Но Промыслу Божию угодно было еще продлить жизнь батюшки на пользу нашей святой обители. Намъ служило отрадой и то, что множество народа приходило каждый день отдать послѣдній долгъ покойному. И съ какимъ благоговѣй-

нымъ чувствомъ относились къ нему: всѣ окружавшіе гробъ его и съ какимъ усердіемъ молились о немъ— благодѣтель! Все это наполняло наши сердца благоговѣйнымъ и отраднымъ чувствомъ.

Хотя и отошелъ въ вѣчность дорогой нашъ батюшка, оставивъ насъ сирыми, но память о такомъ добродѣтельномъ старцѣ не изгладится изъ сердецъ нашихъ. Мы внутренно душевно сознавали, что всѣ присутствующіе раздѣляютъ скорбь нашу вмѣстѣ съ нами; всѣ усердно со слезами молились о упокоеніи души новспреставленнаго и просили его святыхъ молитвъ за себя у Престола Господня.

23 января 1896

Въ 12 часу дня 16 января насъ извѣстили, что о. архимандритъ Іаковъ скончался (скончался онъ въ 11 часу). На сколько мы были тронуты этимъ извѣстіемъ, — можно судить изъ слѣдующаго: я побѣжалъ на почту взять открытый бланкъ, чтобы поскорѣе извѣстить родныхъ и знакомыхъ. Хотѣлъ я тутъ же на почтѣ написать и положить письмо въ ящикъ, но мнѣ что-то не вѣрилось, что о. архимандритъ скончался. Пришелъ я въ келью, чтобы подлинно удостовѣриться.

Одѣвшись я поднялся въ архимандритское зало. Тамъ среди зала стоялъ траурный столъ, на который братія внесла и положила покойнаго.

Послушниковъ не было никого, потому что не давали знать, пока тѣло не приведутъ въ надлежащій порядокъ.

Когда облачали и укладывали на столъ тѣло усопшаго о. архимандрита, то братія плакала навзрыдъ. Всѣхъ болѣе плакалъ старшій келейникъ о. Игнатій. Стали одинъ по одному прибывать и остальные изъ братіи.

При видѣ лежащаго дорогого и добраго батюшки нашего бездыханнымъ, невольно каждый становился на колѣни и съ горькими слезами оплакивалъ почившаго. Нѣкоторые изъ іеромонаховъ, облачившись въ траурныя облаченія, сидѣли на стульяхъ, опустивъ глаза долу, не смѣя нарушить тишины, царившей во всемъ залѣ. На всѣхъ нашло какое-то оцѣпенѣніе. Кто-то сказалъ, что надо служить панихиду. Это вывело всѣхъ изъ забвенія. Приказали тутъ же стоявшему звонарю ударить въ Мотору 12 разъ; что тотчасъ же и было исполнено. Я не въ силахъ описать нашихъ чувствъ въ тотъ моментъ, когда мы услышали заунывный печальный звонъ...

Началась первая панихида. Всѣхъ охватило волненіе.

Іеромонахи не могли подавать возгласовъ. Іеродіаконъ обрывали прошенія: голоса тѣхъ и другихъ дрожали отъ волненія. Пѣвчіе утирали слезы; и думалось: вотъ, вотъ наступитъ моментъ, всѣ разрыдаются... Кончилась первая панихида. Стали прибывать изъ города высокопоставленныя лица. Начали служить панихиды и литіи. Я пришелъ въ келью, написалъ на открытомъ бланкѣ письмо и побѣжалъ на почту, что бы скорѣе положить его. Дорогой я сталъ читать письмо. Оказалось, что на сторонѣ, гдѣ долженъ быть написанъ адресъ, у меня было написано письмо, а на оборотѣ — адресъ. Это еще ничего. У меня написано: скончался въ 11 часовъ, а кто, не написано.

Я разорвалъ бланкъ; купилъ новый и еще нѣсколько другихъ, и извѣстилъ о смерти батюшки своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ 2 часа прибыли изъ духовнаго училища наставники съ учениками и 12 приходскихъ священниковъ (въ это время былъ съѣздъ духовенства). Панихиду служили священники, а пѣли ученики духовнаго училища.

Слѣдующую панихиду служили ученикамъ нашей монастырской церковно-приходской школы, которую покойный о. архимандритъ содержалъ на свой счетъ, даже съ обѣденнымъ столомъ.

Ровно въ четыре часа дня начался протяжный заупокойный благовѣстъ въ Мотору къ вечерней панихидѣ. Общія панихиды распредѣлены были такъ: утромъ въ 8 часовъ—1-я, въ 12 часовъ—2-я и въ 4 часа вечеромъ—3-я, которыя и продолжались безпрерывно до дня погребенія. Народа на панихидахъ была масса. Много было высокопоставленныхъ лицъ.

17 января послѣ первой панихиды т. е. въ восьмомъ часу состоялось перенесеніе покойнаго о. архимандрита изъ зала въ архіерейскіе покои. Того же дня вечернюю панихиду пѣли монахини Горицкаго монастыря.

19 января послѣ первой утренней панихиды совершенъ былъ полнымъ соборомъ во главѣ съ о. архимандритомъ Сергіемъ (проживающимъ въ нашемъ монастырѣ на покоѣ) выносъ тѣла изъ архіерейскихъ покоевъ въ Введенскій соборъ.

Пслѣ сего началась заупокойная литургія; пѣніе на ней было нотное и очень трогательное. Въ 1 часу дня всѣ мы снимались на фотографическую карточку при гробѣ почившаго о. архимандрита въ соборѣ группой: іеромонахи и іеродіаконы въ черныхъ облаченіяхъ, послушники въ обычныхъ одеждахъ, всѣ съ зажженными свѣчами въ рукахъ.

Въ 6 часовъ вечера, того же 19 января, рѣдкій (заупокойный) звонъ въ Мотору съ перезвономъ, извѣстилъ насъ, что началась заупокойная всенощная. Окончилась всенощная въ 10 часовъ. Въ самомъ концѣ всенощной начался пожаръ въ городѣ. Пожаръ былъ весьма большой. Изъ нашего монастыря на мѣсто пожара носили чудотворную икону Божіей Матери „Одигитріи“ со всѣмъ клиросомъ.

20 января отправлялась ранняя обѣдня въ 5 часовъ. Въ половинѣ 8 часа начался звонъ переборскимъ къ поздней литургіи. Служеніе ея было соборное, торжественное; въ немъ принимали участіе: игуменъ Кирилло-Новоезерскаго монастыря, строитель Нило-Сорской пустыни и наша братія. Хоръ пѣлъ нашъ монастырскій. вмѣсто причастнаго стиха надгробное слово говорилъ заксноучитель нашей церковно-приходской школы священникъ Казанскаго собора о. Павелъ. На отпѣваніе вышло 23 священника съ нашими іеромонахами, во главѣ съ отцомъ архимандритомъ Сергіемъ. Прикладываніе продолжалось болѣе часу. Надгробное слово (очень трогательное) говорилъ учитель духовнаго училища Н. П. Успенскій. Проповѣдникъ вкратцѣ перечислилъ всѣ заслуги покойнаго, какъ для монашества, такъ и для общества. Голосъ его дрожалъ отъ волненія. Многіе плакали навзрыдь, въ особенности когда проповѣдникъ говорилъ о тѣхъ благодѣяніяхъ и о той широкой благотворительности, которыми славился нашъ батюшка. Послѣ прощанія, гробъ съ тѣломъ почившаго батюшки съ крестнымъ ходомъ былъ вынесенъ изъ Введенскаго собора и обнесенъ кругомъ главнаго стариннаго Успенскаго собора; за этимъ соборомъ противъ главнаго алтаря согласно завѣщанію покойнаго была приготовлена могила, въ которую послѣ краткой литіи и пѣнія: „вѣчная память“, съ горькими рыданіями братіи и всѣхъ присутствовавшихъ былъ опущенъ гробъ въ приготовленный ящикъ и задѣланъ кирпичнымъ склепомъ. На могилу поставили простой деревянный крестъ съ маленькой иконой преподобнаго Кирилла. На могилѣ теперь совершаются заказныя панихиды и литіи. Черезъ три года по смерти о. Архимандрита Іакова на могилу его поставленъ мраморный памятникъ стоимостью въ 600 руб., собранныхъ по подпискѣ отъ слѣдующихъ лицъ.

отъ братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря	100 руб.
— Сестеръ Горицкаго женскаго монастыря	50 руб.
— Преосвященнаго Тихона бывшаго (1897 г.) можайскаго	30 руб.
--- Настоятеля Нило-Сорской пустыни О. Герасима	30 руб.
--- Игуменьи горицкаго мона- стыря Арсеніи	25 руб.
— Купцевъ города Кириллова:	
Г-на Валькова Г. А.	100 руб.
Г-на Симонова П. А.	50 руб.
Карпова Н. Я.	20 руб.
Учениковъ Монаст. Прих. школы	1 руб.

